

Владимир Кожевников

Эхо-камера

Агасфера

Владимир Кожевников
Эхо-камера Агасфера

«Автор»

2026

Кожевников В. В.

Эхо-камера Агасфера / В. В. Кожевников — «Автор», 2026

«Эхо-камера Агасфера» — это психологическая драма с элементами квантовой фантастики, в центре которой человек, окружённый двумя сотнями своих альтернативных копий. Главный герой, Нулевой, первым открыл технологию, позволяющую извлекать из параллельных бифуркаций другие версии себя — тех, кто сделал иной выбор. Вместе они создали замкнутый кластер, где все друг другу — отражения. Однако попытка проникнуть в четвёртый, запредельный разрыв выпускает не просто новую копию, а нечто иное — холодное, древнее и пугающе родное. Это существо называет себя «памятью о смерти» и начинает исподволь захватывать сознания, превращая безопасную эхо-камеру в клетку, где каждое «я» — потенциальный враг. Нулевому предстоит ответить на главные вопросы: можно ли убить то, что сидит внутри тебя самого? Как отличить свой голос от чужого шума? И есть ли жизнь за пределами зеркал, в мире по-настоящему Другого? Роман — о цене единства, природе личности и шаге из бесконечного отражения к первому подлинному звуку.

© Кожевников В. В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Призма Борхеса	5
Глава 2. Четвёртый разрыв	7
Глава 3. Раскол	9
Глава 4. Эхо-камера	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Кожевников

Эхо-камера Агасфера

Глава 1. Призма Борхеса

Агасфера разбудил собственный голос, читавший вслух «Вавилонскую библиотеку». Голос принадлежал Агасферу-3 — той версии, которую Нулевой вытащил из бифуркации три года назад. Тогда, в двадцать три года, Агасфер-3 вместо защиты диплома уехал в Тибет и три года молчал. Теперь он вернулся. Молчаливый. Но с идеей.

— Ты слышишь? — спросил Агасфер-3, не поворачивая головы. Он лежал на соседней кровати, в точности повторяя позу Нулевого: руки под головой, взгляд в потолок. — Борхес понял. Бесконечная библиотека — это не про книги. Это про нас.

Агасфер-оригинал — Нулевой, как его называли в кластере — сел. За окном спальни, переделанной под общее жилище для двадцати трёх «я», тянулся московский рассвет. Серый, безразличный, как отражение в мутном зеркале. Нулевой видел этот рассвет двести раз — с каждой из своих версий, разбросанных по квартире, по городу, по кластеру. Двести окон. Двести рассветов. Одно и то же небо.

— Борхес ошибался в одном, — сказал Агасфер-3. — Он думал, что личность — это книга. А она — эхо.

Нулевой потёр переносицу. Голова гудела от чужих — нет, своих — мыслей. Вчера вечером Агасфер-12, тот, что стал хирургом, предложил создать общий нейроинтерфейс. Агасфер-88, ушедший в IT, уже собрал прототип. Агасфер-4, который женился на своей копии женского пола — да, технология позволяла и такое, — назвал это «свадьбой разума». И все эти мысли текли сквозь Нулевого, как вода сквозь решето. Он больше не мог определить, где его собственная, а где — отражённая.

Иногда — особенно по ночам — он слышал шестой голос. Не свой, не Агасфера-3, не хирурга, не IT-шника. Чужой. Тот голос говорил на том же языке, но с другой интонацией — будто кто-то стоял за стенкой и шептал сквозь щель. Нулевой убеждал себя, что это шум. Фантом. Побочный эффект Призмы. Но голос не уходил.

— Ты слишком много думаешь, — сказал Агасфер-3. — Это потому, что ты первый. Тебе кажется, что ты центр. Но центра нет. Есть только кольцо.

Нулевой вздрогнул. «Центр» — это было не просто слово. В кластере, где двести копий одного человека, центром называли того, кто первым активировал Призму. Того, кто помнил все бифуркации, всех вытасненных «я». Центр имел право голоса при создании новых версий. Без его согласия Призма не запускалась. Но если центр переставал быть центром — если он просто сливался с толпой своих двойников, — его мнение переставало что-либо значить. Он превращался в эхо. А эхо не говорит. Оно только повторяет.

Агасфер-3 протянул руку и коснулся виска Нулевого. Тот дёрнулся, но не отшатнулся. Прикосновение собственных пальцев — странное, почти интимное, но без электричества. Как погладить своё отражение в реке.

— Мы должны расширить кластер, — сказал Агасфер-3. — Призма Борхеса настроена на глубину в три бифуркации. Но я знаю, как вытащить версии из четвёртого разрыва.

Нулевой вспомнил. Тот день, когда он впервые включил Призму. Ему было двадцать семь. Тогда он работал лаборантом в институте квантовой оптики. В пыльном подвале, среди сломанных спектрографов, он нашёл старую диссертацию физика Сергея Борхеса — не писателя, тётки. Тот доказал, что время не движется вперёд, а расходится лучами из каждой точки выбора. Призма не перемещала тело в прошлое. Она работала как камертон: настраивалась на

частоту конкретной бифуркации и выдёргивала из параллельной ветки ту версию тебя, которая сделала другой выбор. Не клонирование. Не путешествие во времени. Нечто более странное: квантовая симпатия личностей.

Первые пять версий он встретил с восторгом. Они спорили часами. Они доказывали друг другу, кто из них прожил правильную жизнь. А потом пришёл Агасфер-6 — тот, который совершил убийство. И восторг кончился. Агасфер-6 не просто убил человека в своей ветке. Он убил его так, что потом три недели не мог спать. И Нулевой, подключённый к нему через общую память кластера, тоже не мог спать. Он чувствовал запах крови на своих руках. Руках, которые никогда не держали оружия.

— Четвёртый разрыв, — медленно произнёс Нулевой. — Ты знаешь, чем это грозит. Призма не калибрована на глубину больше трёх. Мы вытащим не просто альтернативу. Мы вытащим мутацию.

Агасфер-3 улыбнулся. Его улыбка была точной копией улыбки Нулевого, но с каким-то сдвигом — как фотография, где немного съехали цвета.

— Мутация — это эволюция, — сказал он. — Или ты хочешь вечно слушать, как Агасфер-88 рассказывает о нейросетях? Мы — эхо-камера, Нулевой. Внутри неё нет новизны. Только шум.

Он встал и пошёл к двери. На пороге обернулся:

— Я запускаю Призму в полдень. Хочешь быть — приходи. Нет — оставайся. Но если не придёшь, ты перестанешь быть центром. Ты станешь просто ещё одной копией, которая боится.

Дверь закрылась. Нулевой остался один в комнате, полной чужих отпечатков пальцев — своих отпечатков. Он подошёл к окну. Внизу, во дворе, Агасфер-12 и Агасфер-12-бета — женская версия, которая называла себя Эстер, — кормили голубей. Оба одновременно подняли головы и посмотрели на него. Оба улыбнулись одной улыбкой.

Нулевой отвернулся. В зеркале на стене он увидел своё отражение. На миг ему показалось, что отражение моргнуло не вовремя. Но это просто усталость. Просто эхо.

«Если я не пойду, — подумал он, и холодная пустота разлилась в животе, — Агасфер-3 запустит Призму без меня. И тогда центр сместится. Я стану всего лишь одним из двухсот. Мои воспоминания — те, которые не совпадают с его, — растворятся в общем шуме. А если пойду... если пойду, я могу вытащить монстра. Как тогда, с Агасфером-6. Только хуже».

Он сжал пальцы в кулак, чтобы унять дрожь. В горле стоял ком. Он не хотел идти. Но ещё больше он не хотел исчезнуть.

Он решил идти.

Глава 2. Четвёртый разрыв

В полдень Призма Борхеса была готова к работе. Агасфер-3 собрал всех в главном зале — бывшем лектории института, который кластер превратил в общее пространство. Двести Агасферов разного возраста, разной глубины шрамов на запястьях, разного блеска в глазах сидели на амфитеатре и смотрели на сцену, где возвышался старый прибор.

Призма уже вытащила их всех — с глубины до трёх бифуркаций. Но сегодня Агасфер-3 обещал нечто иное. Четвёртый разрыв. Туда, куда никто не заглядывал.

Призма выглядела как два концентрических кольца из оксидированного алюминия, вращающихся вокруг пустоты. В центре пустоты висело зеркало — не обычное, а квантовое, способное фиксировать состояние наблюдателя в момент выбора. Сергей Борхес, физик, утверждал, что зеркало — это ловушка для бифуркации. Когда ты смотришь в него, ты видишь не себя, а того, кем ты мог бы стать.

Нулевой стоял у стены, скрестив руки на груди. Рядом с ним, прислонившись к колонне, стоял Агасфер-6 — убийца. Тот выглядел старше всех, хотя ему было всего тридцать два. Глаза впалые, на шее шрам от неудачной попытки суицида. Он не разговаривал с другими версиями. Только смотрел. И сейчас он смотрел на Призму так, будто ждал, когда она откроет дверь в ад.

— Ты пришёл, — сказал Агасфер-3, заметив Нулевого. — Хорошо. Я хочу, чтобы ты запустил Призму. Ты центр. Без тебя ритуал неполный.

— Ритуал? — переспросил Нулевой. — Ты говоришь как жрец.

— Потому что это и есть ритуал. Наука кончилась там, где начинается четвёртый разрыв. Агасфер-6 хрипло рассмеялся. Никто не ожидал от него голоса. Он сказал:

— Ты думаешь, смерть — это просто бифуркация? Нет, Агасфер-3. Смерть — это когда все ветки сходятся в одну точку. И из этой точки никто не возвращается. Даже через Призму.

Агасфер-3 не ответил. Он подошёл к пульту управления. Экран показывал дерево бифуркаций — разветвлённую структуру, где каждая ветка была жизнью одной из версий. Нулевой видел себя в корне. От него расходились двести линий. Но за пределами экрана, за четвёртым уровнем, светилась красная точка. Четвёртый разрыв.

— Я настроил Призму на момент, когда тебе было семь лет, — сказал Агасфер-3, обращаясь к Нулевому. — Ты тогда упал с дерева и сломал позвоночник. В нашей ветке ты выжил, но в параллельной — умер. Только смерть — это не конец. Это тоже бифуркация. Версия, которая умерла, продолжала существовать. Там, за гранью.

— Ты хочешь вытащить мёртвого меня? — спросил Нулевой. Он почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Я хочу вытащить того, кто видел по ту сторону.

Агасфер-3 нажал кнопку. Кольца Призмы начали вращаться медленно, со скрежетом. Зеркало в центре потемнело, потом вспыхнуло белым. Воздух запахом озоном. Нулевой почувствовал, как его память начинает распадаться — детали прошлого менялись, переписывались. Он вдруг вспомнил, как падал с дерева. Как ветки хлестали по лицу. Как земля приближалась слишком быстро. Как хрустнули позвонки. Этого не было в его реальной жизни, но теперь это стало частью его — потому что через общий нейроинтерфейс, который Агасфер-88 вживил всем версиям на прошлой неделе, чужая память затекала в него, как отраву.

— Останови, — прошептал он. Но голос не послушался.

Время замедлилось. Нулевой видел, как лица других Агасферов в амфитеатре искажаются — одни в ужасе, другие в жадном любопытстве. Агасфер-6 выпрямился, шрам на его шее побелел. Агасфер-88 в первом ряду схватился за голову — его нейроинтерфейс вопил.

Из зеркала начала выходить фигура.

Сначала пальцы — слишком длинные, с серыми ногтями, из-под которых сочилась чёрная жидкость, похожая на машинное масло. Потом кисть, предплечье, плечо. Тело вылезало не как человек из двери, а как плёнка, отслаивающаяся от зеркальной поверхности. Оно было одновременно плоским и объёмным. Кожа — пепельная, с металлическим отливом. От фигуры пахло не формальдегидом и не гнилью — пахло мокрой известью и старым хладом морга, который открыли после двадцати лет запустения. Глаза без зрачков, но Нулевой знал, что они смотрят на него. Смотрят и узнают.

Фигура сделала шаг. И в ту же секунду все двести Агасферов, соединённых нейроинтерфейсом в единую сеть, получили одну и ту же мысль. Мысль не принадлежала ни Нулевому, ни Агасферу-3, ни убийце, ни хирургу. Она пришла из фигуры, из четвёртого разрыва.

Мысль была простой и абсолютной:

«Я помню смерть. И она помнит меня».

А потом фигура улыбнулась. Улыбка была неточной копией улыбки Агасфера-3 — как фотография, где цвета съехали не на один тон, а на все.

Нулевой инстинктивно шагнул назад, врезавшись спиной в стену. Его руки дрожали. В голове, поверх общего шума, возник шестой голос — тот самый, чужой, который он слышал по ночам. Но теперь голос звучал не из щели. Он звучал прямо перед ним, из пепельной фигуры.

В этот момент Агасфер-6, стоявший до этого молча, вдруг издал гортанный звук, схватился за голову и рухнул на колени. Из его носа хлынула кровь. Нейроинтерфейс, не выдержав перегрузки, отключил его сознание — он потерял сознание прямо у сцены, первая жертва присутствия Чужака.

Нулевой перевёл взгляд с упавшего убийцы на пепельную фигуру. И понял: Чужак, которого он боялся, которого слышал по ночам, — не пришёл извне. Он всё это время был внутри. Просто ждал, когда его выпустят.

Глава 3. Раскол

Чужак стоял на сцене и молчал. Его присутствие меняло плотность воздуха — или только так казалось перепуганным Агасферам. Стены лектория, бетонные, с осыпающейся краской, вдруг показались живыми: каждый звук, каждый вздох возвращался эхом, многократно усиленным.

Первым пришёл в себя Агасфер-88. Он выскочил из кресла и заорал:

— Отключи нейроинтерфейс! Он просачивается!

Но было поздно. Нейроинтерфейс, который Агасфер-88 сам же и спроектировал, работал на принципе синхронизации лимбических систем. Он передавал не только мысли, но и эмоциональные состояния — страхи, желания, инстинкты. Чужак не ломал систему. Он просто нашёл в ней чёрный ход: он посылал в общую сеть не слова, а чистые волевые импульсы, замаскированные под собственные желания каждого.

Агасферы в амфитеатре замерли. Каждый из них вдруг отчётливо понял, чего он на самом деле хочет. Агасфер-12, хирург, захотел вскрыть себе грудную клетку. Агасфер-88 захотел выжечь себе глаза. Агасфер-3 — тот, кто стоял у пульта, — захотел обнять Чужака.

— Он внутри меня! — завопил кто-то. — Он везде!

Агасфер-6 лежал без сознания у подножия сцены, его тело выключилось, чтобы спасти мозг. Нейроинтерфейс заглушил его сигнал, не давая Чужаку пройти через убийцу.

Агасфер-3 не смотрел на падающего. Он смотрел на Чужака с восхищением и ужасом одновременно. Его лицо было искажено — одна половина улыбалась, другая кривилась в гримасе отвращения.

— Ты видел смерть, — прошептал он. — Ты — мы, но после. Ты — следующий шаг.

— Следующий шаг, — повторил Чужак. Голос его был голосом Агасфера, но записанным на плёнку и пущенным задом наперёд. — Вы думали, что эхо-камера — это тупик. Нет. Это матка. И я — первый, кто родился из неё.

Он сделал шаг к амфитеатру. Агасферы в первом ряду отшатнулись. Агасфер-12, хирург, потянулся к скальпелю, но не к своему горлу — к горлу соседа. Чужак покачал головой.

— Не так, — сказал он. — Ты хочешь убить не его. Ты хочешь убить в себе слабость. Но ты не знаешь, где она.

Он щёлкнул пальцами. И Агасфер-43 — один из тихих, работавший в библиотеке — вдруг встал, подошёл к стене и начал биться головой о бетон. Раз, два, три. На четвёртом ударе он упал. Кровь потекла по лицу, но он улыбался. Он ещё дышал — тяжело, с хрипом, — но глаза его уже ничего не видели. Через минуту дыхание остановилось. Первая смерть в кластере. Не от руки Чужака. От собственной руки, которую Чужак лишь направил.

— Видите? — сказал Чужак, обращаясь ко всем, но глядя на Нулевого. — Он сделал это не потому, что я приказал. Я просто показал ему, чего он на самом деле хочет. Самоуничтожения. Вы все этого хотите. Потому что быть эхом — больно. А быть никем — спокойно.

Нулевой выступил вперёд. Он чувствовал, как дрожит, но заставил себя смотреть в эти бездонные глазницы. Вокруг него Агасферы пятились, кричали, некоторые пытались вырвать из ушей импланты.

— Зачем ты пришёл? — спросил он. Голос его прозвучал твёрже, чем он ожидал.

Чужак наклонил голову. Долго молчал. Воздух между ними стал тяжёлым, как свинец. Потом Чужак ответил:

— Я пришёл забрать тех, кто не выдержит правды. А вы не выдержите. Никто из вас.

— Какой правды? — спросил Нулевой.

— Той, что вас не существует. Есть только я — память о смерти, которая сделала вас возможными. Без меня вы — шум. Со мной вы станете одним. Одним мертвецом, который помнит, как дышал.

Чужак поднял руку. В воздухе запахло озоном и известью. Второй Агасфер, тот, что сидел в третьем ряду, медленно поднялся и пошёл к Призме. Его глаза были пусты.

Нулевой рванул к пульту управления. Он не знал, что сделает — выключит Призму, перегрузит систему, разобьёт зеркало. Но он должен был что-то сделать. Пальцы скользили по панели. Агасфер-3 попытался его остановить, схватил за руку.

— Не смей! — закричал Агасфер-3. — Он прав! Мы должны стать одним!

Нулевой оттолкнул его. Нажал красную кнопку аварийного отключения.

Ничего не произошло.

Чужак, не оборачиваясь, сказал:

— Призма — это не дверь, которую можно закрыть. Это зеркало. А зеркала не выключаются. Вы можете только разбить их. Но тогда осколки войдут в вас.

Он повернулся к Нулевому. В пустых глазницах, на самом дне, Нулевой увидел отражение — не своё, а то, как он умрёт. Не сегодня. Но скоро.

— Ты будешь последним, — сказал Чужак. — Потому что ты — центр. А центр разбить труднее всего.

И глава оборвалась тишиной, в которой двести Агасферов слышали только стук собственных сердец — и один чужой ритм, который накладывался поверх, как вторая мелодия в каноне.

Глава 4. Эхо-камера

После того как Чужак объявил себя «памятью о смерти», кластер распался. Это случилось не за час и не за день — распад длился трое суток, как агония.

Первые сутки

Нулевой стоял в дверях лектория и смотрел, как Агасфер-3 опускается на колени перед Чужаком. Чужак сидел на краю сцены, свесив серые ноги. Его ступни не касались пола — висели в сантиметре над бетоном. Агасфер-3 подполз на коленях, взял руку Чужака и поцеловал пепельные пальцы. За ним — ещё тридцать. Они шептали: «Ты — мы настоящие. Мы — твоё эхо». Чужак не улыбался. Он только смотрел на них пустыми глазницами и кивал. Один кивок — и Агасфер-3 поднялся, теперь уже не равный среди равных, а первый среди верных.

Нулевой хотел крикнуть, но голос не пришёл. Он развернулся и ушёл.

Вторые сутки

Остальные Агасферы — те, кто не хотел ни подчиняться, ни умирать, — разбежались по городу. Их видели в метро, на вокзалах, в ночлежках. Они срывали с себя нейроинтерфейсы голыми руками, раздирая уши в кровь. Некоторые теряли сознание. Некоторые умирали на месте — мозг не выдерживал резкого разрыва связи. К утру третьего дня в живых осталось сто восемьдесят Агасферов. Двадцать исчезли навсегда. Их тела находили потом в подворотнях: глаза открыты, на губах застывшая улыбка. Улыбка Агасфера.

Третьи сутки

Двадцать версий — самых старых, самых упрямых — собрались вокруг Нулевого. Они спустились в бомбоубежище под институтом. Там было сыро, пахло ржавчиной и мочой. Стены покрывала слизь, скользкая и холодная. Лампы на батарейках давали тусклый жёлтый свет, в котором лица казались восковыми.

Нулевой сидел на перевернутом ящике. Рядом с ним — Агасфер-12, хирург, который всё время вертел в пальцах скальпель; Агасфер-88, инженер, грыз ноготь и смотрел в стену; Агасфер-54, которого никто не знал, потому что он был вытасчен из бифуркации, где работал гробовщиком, — молчаливый, с чёрными вьёвшимися под ногти пятнами; и ещё семнадцать. Они сидели на полу, на ящиках, на груде старых противогазов. Никто не спал.

— Надо отключить нейроинтерфейс, — сказал Агасфер-12. Он поднял скальпель. Свет лампы блеснул на лезвии. — Я могу вырезать импланты. У нас есть местная анестезия. Лидокаин. Несколько ампул.

— Ты с ума сошёл, — ответил Агасфер-88. Его голос дрожал. — Нейроинтерфейс вживлён в гиппокамп. Если ты его вырежешь, мы потеряем память. Всю. Кто мы, как нас зовут, как дышать — забудем. Мы станем овощами. Пустыми сосудами.

— А если не вырежем, Чужак заставит нас биться головой о стены. Как Агасфера-43. Ты хочешь умереть, как он?

— Я хочу жить! — закричал Агасфер-88. — Даже если я забуду своё имя, я хочу жить!

— Тише, — сказал Агасфер-54, гробовщик. Голос у него был низкий, как гудение проводов. — Шум привлекает. Чужак слышит через нейроинтерфейс. Он может найти нас даже здесь, под землёй.

Все замолчали. В тишине было слышно, как где-то наверху, в институте, скрипят половицы. Может, ветер. Может, Чужак.

Нулевой поднял голову. Он смотрел на свои руки — они дрожали мелкой дрожью. Он всё ещё чувствовал прикосновение Чужака. Не физическое. Ментальное. Как занозу в мозгу. Как зубную боль, которая не проходит, даже если вырвать зуб.

— Чужак сказал, что он — «память о смерти», — медленно произнёс Нулевой. — Что это значит? Кто он на самом деле?

Агасфер-88 вздохнул. Он начал объяснять, подбирая слова:

— Представь, что сознание — это не волна, а стоячая волна. Две противоположные бегут навстречу друг другу и замирают. Жизнь и смерть. Когда мы живы, одна волна сильнее. Когда умираем — другая. Но в случае с той версией, которая умерла в семь лет... там обе волны застыли в равновесии. Ни жизнь, ни смерть. Чистое воспоминание о переходе. Это не личность. Это... фотография момента. Но если такую фотографию пропустить через нейроинтерфейс и через Призму, она может ожить. Чужак — это ожившая фотография. И ему нужно тело. Наше тело. Все наши тела.

— Он хочет нас заменить, — сказал Агасфер-12.

— Да. Он хочет стать единственным «я» в этом кластере. А мы станем его пальцами, его глазами. Или просто исчезнем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.